

У Алека Уокера, вероятно, вообще отсутствует понимание командной работы. Может, поэтому он такой.

Дэниел мысленно решил, что никогда не будет играть с ним в гонки — даже если мир рухнет. В каком-то смысле он был даже опаснее Марселя: если потребуется, он просто снесёт всё как бульдозер, даже командные боли.

Человек, произнёсший слова, достойные самого холодного и бесчувственного существа на свете, некоторое время молчал, а затем пробормотал словно жалуясь:

[Суть спорта — конкуренция. И в ней неизбежно есть проигравшие. Если всё устроено так, что нельзя добиться только сокрушительных побед, я не хочу тратить на это ни секунды времени.]

— То есть фразы вроде «мы проиграли, но хорошо сражались» для вас не существуют?

[Именно. Поэтому я действительно не понимаю, почему такие люди, как ты, Дэниел, вообще любят спорт.]

— Причины у всех разные. И у каждого спорта — свои поводы для увлечения.

— Человек никогда не влюбляется в что-то сложное. Только в что-то простое.

Например, когда бейсбольный мяч перелетает через ограждение идеальной дугой. Или когда баскетбольный бросок рисует красивую параболу.

Звук мяча, ударяющегося о пол в волейболе и снимающего накопившееся раздражение. Или пиво во время футбольного матча, которое вдруг становится частью радости жизни.

Иногда что-то совершенно незначительное открывает дверь в сердце и остаётся там.

В этот момент человек учится чувствовать подъём и получает оружие, позволяющее забывать о реальности и её ударах. Так люди становятся сильнее.

Если Алек Уокер никогда ни к чему не испытывал такого чувства, он, возможно, пустее, чем кажется.

Насколько же холодной должна быть жизнь человека, сердце которого ни разу не дрогнуло?

Тот, кто ценит только собственную победу, по сути считает каждого встречного потенциальным соперником.

Дэниел заговорил нарочито легко:

— Если вы действительно не знаете... надеюсь, вы однажды это поймёте. Это, наверное, не так плохо, как вам кажется.

[Дэниел. Что стало тем самым моментом, из-за которого ты пришёл в автоспорт?]

— У меня не было выбора. Потому что мой отец — Ноэль Линдберг. Это не тот случай, который можно назвать обычным.

[Неожиданно. Я думал, ты ответишь, что с детства сходил с ума при виде машин.]

На губах Дэниела задержалась циничная улыбка.

Она была бы достаточно холодной, чтобы вживую в ней можно было почувствовать странное напряжение, но это был беззвучный смех, поэтому Алек его не заметил.

[К сожалению, завтра я занят.]

В его голосе не было особого сожаления. И всё же, странным образом, это заставило слушать внимательнее.

Дэниел сам удивился тому, что обнаружил себя сидящим на диване и уже долго разговаривающим с этим человеком.

Время пролетело незаметно, хотя они не обсуждали ничего по-настоящему важного. Его первоначальное намерение просто «перетерпеть неловкость разговора» теперь казалось глупым: внутри было спокойно, почти уютно, будто он болтал под мягким дневным солнцем. И это при том, что собеседником был сам Алек Уокер.

[Но я всё же буду смотреть. Так что не разочаруй меня. Ты ведь сказал, что докажешь: на трассе ты быстрее всех, верно?]

— ...Простите?

[Ты же сказал, что станешь чемпионом мира.]

Только сейчас Дэниел понял, о чём говорит Алек.

Вопрос в финале интервью, где его попросили озвучить цели и решимость как пилота. Именно это он и имел в виду. Но была одна серьёзная ошибка: слова он адресовал не Алеку Уокеру, а Джошуа.

«Если я скажу, что это было не тебе... атмосфера ведь станет странной, да?»

Он произнёс это, думая, что его младший брат, с которым он давно потерял связь, может случайно увидеть интервью. Но чтобы это привело к такому недопониманию...

Дэниел растерялся и в то же время не смог не усмехнуться тому, как последовательно Алек принимает всё на свой счёт.

День действительно был странным. Невероятно, что он может так спокойно смеяться из-за самого невыносимого спонсора в мире.

Тело, которое перед гонкой было напряжено до предела, незаметно расслабилось.

[Я буду ждать хороших результатов, Линдберг-младший.]

— Не называйте меня Линдберг-младший. Меня зовут Дэниел.

[Хорошо.]

Голос, словно лениво коснувшийся уха.

[Удачной гонки, Дэниел.]

В этот раз он не захотел злиться и завершать разговор резко. Пусть думает как хочет.

Воскресенье, третья неделя мая, 20xx год. Гоночная трасса Монте-Карло, Княжество Монако.

Одна из ключевых трасс Формулы-1 длиной 3,337 км и имеющая 19 поворотов ведёт свою историю со времён князя Луи II.

Конфигурация, не менявшаяся более ста лет, сочеталась с грязным покрытием и низкой средней скоростью, а обгон здесь был настолько сложным, что считался худшим за целое столетие.

Город, где резкое солнце и мачты яхт качались на ветру. Монако, обладающее самой высокой плотностью миллионеров в мире, собрало десятки тысяч людей, будто доказывая, что добыть билет сюда — всё равно, что достать звезду с неба.

Знаменитости, пришвартовавшие свои яхты заранее, устраивали приёмы с кейтерингом, а туристы, не сумевшие попасть внутрь, скрывали разочарование, устав от бесконечной ходьбы.

Мир капитала, обнажённый через одну лишь сетку ограждения, выглядел безжалостным и не по сезону холодным.

Асфальт Монако блестел, словно смазанная сковорода.

День был ясный, без единого облака, столь настолько, что даже море казалось прозрачным. На открытых трибунах фанаты Формулы-1, ждавшие этого дня весь год, обмахивались веерами и под палящим солнцем постепенно «готовились».

На пит-волле ситуация была не лучше. Руководитель команды и инженер у пульта управления вытирали пот и надевали кепки. К Адаму подошёл Дэниел.

— Дэниел, как ты себя чувствуешь?

— Нормально. Как обычно.

— Хорошо. Ты обычно и так в порядке.

Он похлопал его по плечу.

Мир был странно справедлив. Если он посылал абсолютно беспощадного спонсора, то рядом оказывался и такой же нормальный и адекватный руководитель команды. Это было похоже на чередование горячей и холодной ванны — лишь бы не заболеть. Дэниел тихо усмехнулся.

— Адам.

— Да?

— Не переживай. Я не собираюсь разбивать машину, выясняя отношения с молодым аристократом.

— Спасибо... хотя нет, не за это! Конечно, не собираешься! Мы обновили машину, чтобы ты показал результат, так что просто гоняйтесь! Я тебя лично убью, если по шинам будет хоть царапина!!

— Я же сказал, что не собираюсь. На всякий случай: если Марсель начнёт — я ничего сделать

не смогу.

Он оставил эту «нестрашную угрозу» позади и направился в гараж. У входа в коридор он столкнулся с тем, о ком только что говорили. Марсель, только что вышедший из бокса, был в шлеме и держал огнеупорные перчатки.

—

—

Шлем не скрывал убийственного взгляда молодого аристократа. Марсель буквально пылал боевым настроем и, казалось, готов был в любой момент швырнуть перчатки как вызов на дуэль, но голос из динамиков объявил о скором старте.

Они одновременно отвернулись — ни один не сделал этого первым. Синхронность была точной, будто по линейке.

Мика, который на этот раз просто наблюдал со стороны и не вмешивался, тяжело вздохнул.

Вот почему говорят, что мужчины — дети, сколько бы лет им ни было. Они даже не пытались скрыть, насколько раздражают друг друга, но терпели только потому, что гонка вот-вот начнётся.

<http://bllate.org/book/17841/1719136>